

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА
«ЖАНРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИЮ
«РУНЫ ЛЮБВИ»

Наталья Косухина
«Синий, хвостатый,
влюбленный»	Галина Манукян
«Ученица чародея»
«Пятьдесят оттенков синего»
«Корпорация Лемнискату.
И начнется отсчет»
«Корпорация Лемнискату.
И каждый день за веком век»	Елена Литвиненко
«Кукла советника»
Ксения Баштовая
«Проклятые огнем»
«Дорогу осилит идущий»	Елена Малиновская
«Любовь без права выбора»
Ольга Громыко, Андрей Уланов
«Плюс на минус»	Алиса Одинцова
«Начальник для чародейки»
Мария Боталова, Екатерина Флат
«Академия попаданцев»	Надежда Мамаева
«У волшебства запах корицы»
Варя Медная
«Паук приглашает на танец»	Мария Боталова
«В оковах льда»
Мария Сакрытина
«Я клянусь тебе в вечной
верности»
Слушаю и повинуюсь	Александра Салиева
«Прокляты и забыты»
Ольга Пашнина
«Осторожно, ведьма!»	Ольга Мигель
«Принц на белом кальмаре»
Терри Лу
«Под крылом дракона»	Марина Дробкова
«Маг моего сердца»
Екатерина Флат
«Его Тьма»	Дана Арнаутова
«Страж морского принца»
	Аня Сокол
«На неведомых тропинках.
Шаг в темноту»
	Евгения Петроченко
В летописях не значится

С^оМАРИЯ
САКРЫТИНА

СЛУШАЮ
И ПОВИНУЮСЬ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С15

Серийное оформление — *Екатерина Петрова*
Иллюстрация на обложке — *Александр Шапочкин*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Сакрытина, Мария.
С15 **Слушаю и повинуюсь :** [роман] / Мария Сакрытина. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 320 с. — (Руны любви).

ISBN 978-5-17-098157-1

Говорят, какой-то чудак однажды освободил джинна. Для Амани — птицы-удачи — это не более чем сказка. «Слушаюсь и повинуюсь» — все, что хотят услышать люди. Амани исполняет их желания — сколько угодно и без ограничений. И пусть сама она могущественней любого джинна, свобода для нее — несбыточная мечта. Какой глупец откажется от удачи? И даже встретив такого глупца — мечтателя и неудачника Амина, — она не верит ни в его доброту, ни в бескорыстие и уж тем более в любовь. Но пряха-судьба уже сплела их нити, и птице-удаче еще предстоит понять, что настоящая любовь дарит не оковы, а крылья. И что в небе на самом деле очень одиноко парить одной — пусть и свободной.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-098157-1

© М. Сакрытина, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

ВЕЧЕР

Я Амани-хумай, птица-удача. Моя суть — свобода и моя судьба — исполнение желаний.

В зеркале отражалась человеческая девушка: кожа благородного цвета слоновой кости, темные чарующие глаза, высокие скулы, правильной формы нос, манящие губы... Черная свободная рубашка до колен, длинные широкие рукава, золотая вышивка и капельки рубинов — галабея была прекрасна, как и девушка, на которой она была надета. По-человечески прекрасна.

Я пожелала не видеть, и красавица в зеркале взмахнула пушистыми ресницами, закрывая глаза.

О, Аллат!..

— Что ты наделал, колдун? — прошептала я. А хотелось кричать — так, чтобы весь мир содрогнулся от моего плача. — Что ты со мной сделал?!

В зеркале появилось еще одно отражение: высокого, намного выше девушки, мужчины. Короткие темные завитки волос красиво падали на лоб, гармонировали с золотистой кожей. Раньше мне понравились бы такие волосы и такая кожа — цвета оливок с восточного побережья. А еще эти жгучие, хищные глаза.

Сейчас же девушка в зеркале сморщила носик от отвращения.

— Ну что же ты, Амани? — протянул мужчина низким, бархатным голосом. Точно крадущийся в низовьях Джуманы, что за Великим морем, леопард. — Неужели тебе не нравится твое тело? Ты прекрасна, моя хумай!

МАРИЯ СAKPЫТИHA

— Я не твоя! — Как же меня раздражал этот мелодичный, совершенно не мой голос!

— Ну почему же? — улыбнулся мужчина. Холеные пальцы колдуна пробежались по темным, почти черным волосам красавицы в зеркале, подцепили прядь. — Ты моя. Вся.

Лицо отражения исказилось.

— Не смей! — проскрипела я, пытаюсь вернуть родной голос, а не эти певучие, человеческие оттенки. — Отпусти меня!

Пальцы с волос перебрались на шею, щеки. Девушка в зеркале замерла, дрожа. Во взгляде появилась мольба, и лишь глубоко, далеко за ней — откуда смотрела настоящая я — горела ярость.

— Ну уж нет, хумай, — рассмеялся мужчина, лаская нежную кожу красавицы, и я ярко чувствовала его прикосновения — они обжигали. Сквозь ярость и мольбу пробились удивление: обычно обжигаю я. — Мне совсем не нравится, что ты исполняешь чужие желания. Я хочу, чтобы ты слушала только меня.

— Это желание я не могу исполнить.

— Можешь, — шепнул мне на ухо мужчина. — Можешь, Аmani. Гляди, — он мягко повернул меня за подбородок, заставляя смотреть в сторону окна. — Скоро солнце сядет. Ночью, когда твое превращение завершится, я овладею твоим новым телом. И тогда ты, хумай, будешь петь только для меня.

У девушки в зеркале задрожали губы.

— Нет! — севшим, совсем не моим — человеческим — голосом простонала я. — Нет...

Мужчина улыбнулся, убирая руки. Отступил к двери.

— Да, — и добавил, тягуче, бархатно: — Увидимся ночью, моя хумай.

В повисшей тишине стук засова прозвучал громом, и я содрогнулась.

В темных глазах отражения сгустками пламени горело отчаяние.

СЛУШАЮ И ПОВИНУЮСЬ

— О, сайеда, что вы делаете?!

Не выпуская из рук острый осколок, я обернулась.

Ифрит в облике девушки-служанки подбежала ко мне, лепеча:

— Сайеда, вы поранились!

Я пожалала плечами — человеческое тело слушалось, будто я всегда его носила. И боль я чувствовала, точно человек. Раненый палец жгло, когда ифрит приложила к нему остро пахнущую лекарством повязку.

— Зачем же так, сайеда? Вы еще не привыкли к боли...

— Пусть. У меня будет сотня лет, чтобы к ней привыкнуть. Сотня лет, пока Вадд не заберет этого ничтожного смертного в свое царство теней. — Мой голос дрожал от злости.

Ифрит подняла голову, и я осеклась. На обнаженной золотистой груди служанки горела печать подчинения.

— Ваша клетка быстро разрушится, сайеда, — тихо отозвалась ифрит. — Человеческие тела так... смертны.

Я покосилась на ее печать и промолчала. Что какая-то жалкая сотня лет против ее тысячелетия?

Ифрит молча поклонилась и принялась убирать осколки зеркала.

— Я могла бы освободить тебя. — Мой голос журчал непривычно, но слова давались легко. — Пока я человек, — ифрит выронила осколки, обернулась, — но колдун не даст мне это сделать... Отсюда можно сбежать?

Загоревшаяся в глазах служанки надежда погасла.

— Нет, сайеда.

— Неужели? Никаких потайных ходов, ничего? Люди же это любят.

Ифрит покачала головой. И грустно произнесла, укаывая на окно.

— Гули.

— Гули? — изумилась я. — Какие-то гули помешают ифриту?..

МАРИЯ САКРЫТИНА

— Посмотрите сами, сайеда, — перебила девушка, возвращаясь к уборке.

Теряясь в догадках, я подошла к окну. Что же там за гули... О, Иблис!

— Видите, сайеда, — девушка-ифрит поддержала меня, когда я пошатнулась, и тоже грустно глянула вниз. — Когтями они рвут нашу сущность, а волшебный ошейник развоплощает навсегда.

Я молча кивнула. Да, то, что гуляло внизу, с трудом можно было назвать гулями. Тело полуженщины-полукошки, лоснящаяся гладкая шерсть, громадные саблевидные клыки...

Одна из тварей, заметив мой взгляд, подняла голову и, зарывчав, прыгнула на стену башни. Я отшатнулась.

— Не бойтесь, сайеда, — улыбнулась ифрит. — Здесь вы в безопасности. Но не советую выходить во двор.

— А вы... тоже не выходите? — пытаюсь унять стучащее сердце, выдохнула я.

Грустная улыбка исчезла. Ифрит опустила голову.

— Дворец большой, сайеда. А к воротам подойти может только сайед.

Я тихо выругалась. Ифрит робко коснулась моего плеча и тут же убрала руку.

— Крепитесь, сайеда.

Да. Всего-то сотня лет рабства у какого-то чернокнижника.

— Отсюда нельзя бежать, — тихо произнесла напоследок ифрит. — Никак. Пожалуйста, сайеда, не пытайтесь.

Я сжала кулаки и глубоко вдохнула.

Нельзя, да?

Солнце алело в сиреневых душных сумерках. Я представляла, как хохочет Аллат, кутаясь в свою расшитую золотом накидку, и ждала, когда месяц-Вадд понесется по черно-синей дороге неба, подстегивая серебряных быков, прогонит сестру и избавит меня от этого унижения.

СЛУШАЮ И ПОВИНУЮСЬ

Я не могла сбежать, оставаясь человеком. Я не могла сбежать, оставаясь хумай, потому что колдун связал меня. Но цепь между телом и духом все еще оставалась зыбкой.

Шагов я не слышала. Зато стук засова заставил вздрогнуть.

— Ну вот и ночь, Амани, — улыбнулся колдун, жадно разглядывая меня.

Ненавижу... Я потянула абайю, оголяя плечо. И, вспоминая, как это делают человеческие женщины, томно пропела:

— Это правда — то, что ты говорил? Я действительно красива?

Во взгляде колдуна полыхнуло оно — желание... Ликуя про себя, я закончила:

— И тебе действительно нравится это тело? Ты хочешь, чтобы оно было твоим?

Я терпела его прикосновения и поцелуи, пока не услышала долгожданное:

— Да...

Я Амани-хумай. Моя суть — свобода и моя судьба — исполнение желаний.

Я улыбнулась, заглянув ему в глаза.

— Ну тогда получай его.

Теряя сознание, я еще успела поймать в глазах человека отражение недоверия, удивления, ярости. Но мой дух отлетел достаточно далеко, и я не слышала новое желание. На руках колдуна осталось только тело прекрасной человеческой девушки. И тоненькая цепочка-связь между ней и духом.

Но этого было достаточно, чтобы пленить меня снова.

НОЧЬ ПЕРВАЯ

ЧЕРНЫЙ КОНЬ ДЛЯ ШЕХЗАДЕ

День в Бахре, столице великой империи Гази, начался рано.

Только-только солнце-Аллат показывалось из-за горизонта, рассыпав по небу сверкающие волосы-лучи, как узенькие улицы наполнялись жизнью. Люди муравьями торопились по утренней прохладе сделать большую часть работы за день, чтобы отдыхать в жаркое полуденное время. Стучали ставнями лавок ремесленники, позванивали колокольчиками водоносы, приветственно распахивали двери хамамы, стучали в гонг жрецы Аллат, отмеряя время. Медленно, величаво ступали по пыльным улицам караваны верблюдов. Они направлялись в порт, а оттуда по самой широкой улице в городе — в хану, главный рынок Бахры.

Здесь, в крытых павильонах, царил полумрак, прорезаемый сотнями солнечных лучей из маленьких круглых отверстий купола. И шум — стук отворяемых ставней-прилавок, шорох шагов по цветной плитке пола, гулкие голоса пустынников-бедуинов и визгливо-звонкие — жителей побережья. Запахи пряностей, манящие ароматы сладостей и тонкая, но стойкая струйка пачули и амбры витали в воздухе.

Жизнь бурлила, стоило солнцу показаться на небе, и затихала, только когда Аллат исчезала за горизонтом, отправляясь на ночной покой.

Но до заката пока было еще далеко.

— Ай, сайеди, рот не разевай, пряности-сладости покупай! — по обычаю звонко, перекрывая шум рынка, за-

СЛУШАЮ И ПОВИНУЮСЬ

зывал Фарах. — Давай, голубей не считай, покупай, вай-вай-вай!

Амин сгрузил на пол десятый по счету мешок молотой корицы и уселся под прилавком, переводя дух.

— Ай, сайеди! — воскликнул Фарах, подаваясь навстречу заинтересовавшемуся товаром кочевнику. — Ай, хорошая пахлава, свежая!

Бедуин, чей народ издревле славился ненавистью к сладкому, только усмехнулся.

— Куда мне ее?

— Ну... верблюда накормишь! — нашелся Фарах, сверкая улыбкой.

Кочевник, махнув рукой, отошел от прилавка.

— Не идет сегодня торговля, да простит меня Манат, — тихо пожаловался Фарах, давая отдых уставшему горлу.

Амин пожал плечами и молча поднялся. Во дворе ждали еще шесть мешков пряностей и требующие за них денег караванщики-бедуины. Денег у Амина не было, а хозяин лавочки, торговец, сайед Ясар, никому кошелек не доверявший, как обычно опаздывал.

Когда Амин снова вернулся, Фарах ругался с караванщиком — из Аиши или Шакиры, судя по выговору.

— По-твоему, это лукум?! — возмущался караванщик, тыча в мягкий белый комочек узловатым пальцем. — Ты посмотри! Да ты его потрогай! Он уже сгнил давно! И за это — двадцать драхм?!

— Пятьдесят, — степенно поправил Фарах. — За прекрасный шакер-лукум, достойный самого султана, да будут дни его вечны...

Амин улыбнулся, стирая пот со лба. Достойный султан не стал бы на такое лакомство даже смотреть.

Караванщик снова ткнул в лукум пальцем и поморщился.

— Двадцать пять — и это мое последнее слово.

Фарах открыл было рот — возмутиться, но тут по павильону пронесся звон гонга, и громкий чистый голос евнуха возвестил:

МАРИЯ САКРЫТИНА

— Великолепный, одаренный милостью Манат и улыбкой Аллат, Сиятельный шехзаде Шакир изволит пройти здесь!

Амин торопливо упал ниц, упираясь лбом в пол — пусть его и не было видно из-за прилавка. Рядом бухнулся Фарах, к нему присоединился караванщик — как и все посетители рынка пали ниц, приветствуя сиятельного царевича.

В наступившей тишине шелестели одежды евнухов, позвякивали драгоценные браслеты на холеных руках Шакира, стучали «пятками» копий стражи, приветствуя благословенного.

Амину не нужно было подсматривать, чтобы знать — красивое лицо шехзаде кривится в гримасе презрения. Сиятельному скучно в бесконечных торговых рядах и хочется скорей попасть в сердце рынка — оружейные и ювелирные мастерские, позабавить себя или выбрать подарок для новой фаворитки.

Стража в десятый раз стукнула копьями, и по павильону снова прокатился шорох. Свита шехзаде и сам Сиятельный ушли и вернутся только в полдень — Шакир всегда долго выбирает оружие и перебирает драгоценности. Тщательно осматривает, подробно расспрашивает мастеров, приценивается, словно нет в его распоряжении всей казны султана.

— Чего разлеглись, болваны?! — взвизгнул над прилавком знакомый голос. — Я вам за это плачу?! А ну марш за работу!

Фарах возвел очи горе и выпрямился, напевая:

— Как прикажете, сайед Ясар, как прикажете.

Амин выпрямился и с тоской посмотрел на мешки. Рынок вокруг шумел, возвращаясь к торговле.

Маленький толстенький, но очень голосистый сайед Ясар подкатился к прилавку, подтолкнул Амина к закутанному в хаик, точно почтенная дама — в паранджу, кочевнику.

— Заберешь у него три мешка персиков. И чтобы ни один фрукт не помялся!

СЛУШАЮ И ПОВИНУЮСЬ

Кочевник невозмутимо двинулся к сверкающему солнцем выходу из павильона. Амин, вздыхая, поплелся следом. Ему иногда казалось, что сайед Ясар путает его с ослом. И не только, когда ругается.

Солнце поднялось уже высоко, когда Амин дотащил последний мешок, выслушал от сайеда Ясара весьма нелестное мнение о себе в общем и всей нынешней молодежи в частности, взял пустое блюдо и отправился в дальнюю часть павильона — разделенный на клетки-лавочки склад за пахлавой.

Здесь гул рынка стал тише, зато одуряюще, невыносимо пахло пряностями. Прикрыв нос рукавом, Амин привычно стер пот со лба, огляделся... и чуть не выронил блюдо.

Попав в круг света сквозь забранное решеткой окошко у потолка, у открытого мешка со сливами, которые Амин только что так аккуратно переносил со двора («За каждую раздавленную ягоду сам платить будешь!»), сидел мальчишка-побережец лет десяти на вид и с явным удовольствием набивал рот сливами, персиками, лежащей рядом пахлавой, — всем, до чего смог дотянуться. Еще и прицокивал от удовольствия.

— Ты... — выпалил Амин, таращась на воришку. Голос от изумления не слушался. — Ты что...

Мальчишка повернулся, заинтересованно глянул на юношу и нагло запихнул в рот еще пахлавы.

— Ты... ты что тут делаешь? — наконец смог связно спросить Амин.

— Фем, — пробубнил мальчишка. И, сделав титанический глоток, вытер губы рукавом, оставив на когда-то белой ткани жирное пятно. — Ем, — и добавил, указывая на заранее приготовленный Амином лукум: — О, подай-ка мне еще вон той белой мягкой штуковины. Пожалуйста.

Амин дар речи потерял от такой наглости, молча глядя, как мальчик шурится в полумраке склада, шарит рукой, находит сливу и запихивает ее в рот.

— Фуфу хофу! — требовательно заявил воришка с полным ртом, тыкая в лукум. — Хофу! Фай!

МАРИЯ САКРЬТИНА

— Ты с ума сошел, — тихо произнес Амин. И, подскочив к ребенку, схватил за шиворот. — А ну проваливай отсюда!

Мальчишка вырвался, отскочил подальше, вытер рот рукавом и обиженно протянул:

— Ну тебе что, жалко, что ли?

— Я сказал: пошел вон. Быстро! — громким шепотом прошипел Амин, надвигаясь на ребенка. — Ты знаешь, что с тобой сделают, если поймают?

Мальчик отступал — не забывая набирать полные пригоршни слив и пахлав, — пока не уперся спиной в стену. Остановился и, глядя на Амина наивными чистыми глазами ребенка, выдохнул:

— Нет. А что?

Амин выругался про себя, снова схватил маленького негодника за шкирку, но больше ничего сделать не успел.

— Сколько ты собираешься здесь торчать? — пропыхтел от входа Ясар.

Амин замер. Мальчишка, воспользовавшись паузой, засунул в рот пахлаву и счастливо улыбнулся.

— Я же сказал: одна нога здесь, другая — там. Ах, ты, ленивый шай... — сайед-хозяин запнулся, и Амин, стоя спиной к входу, очень отчетливо вообразил лицо Ясара: брови насуплены, маленькие глазки прищурены, двойной подбородок удивленно подергивается. — Что здесь происходит?!

Мальчик невозмутимо сунул в рот сливу. И тут же ею подавился, когда толстая мягкая, как поднявшееся тесто, рука схватила его за шею, отпихнув Амина.

— Вор, — неверяще пропыхтел торговец, оглядывая мальчика с ног до головы.

Тот в ответ посмотрел на Ясара и метко плюнул косточкой. Сайед вздрогнул и схватился за подбитый глаз.

— А-а-а! Во-о-ор!

Амин очень четко представил, что сейчас произойдет. Если раньше за воровство в Бахре отрубали руку, то с тех пор как сиятельному султану привиделась Манат, потрясающая шнурком-завязкой от кошеля, закон ужесто-

СЛУШАЮ И ПОВИНУЮСЬ

чили — теперь преступника, невзирая на возраст, лишали головы.

Шаги стражи уже звучали в переходе между складами, когда Амин, заслонив невозмутимого мальчишку, упал перед Ясаром на колени.

— Сайед, вы неправильно поняли! Прошу вас, не надо. Это... это я его сюда привел!

Торговец брезгливо покосился под ноги.

— Ты?

И бросил удивленный взгляд на ребенка. Мальчишка, разжав наконец руки — персики и сливы покатались по полу, — сосредоточенно смотрел на Амина.

А тот зачистил:

— Да, сайед. Умоляю, не гневайтесь, это мой... э-э-э... сын моей... э-э-э... сестры. Я должен был присмотреть за ним, я не знал, я не думал, что он... Лучше накажите меня, он же еще ребенок...

Стражники остановились в дверях, не торопясь заходить. Ну, наказывает хозяин нерадивого работника, так и что — дело-то житейское.

Ясар лениво махнул пухлой рукой, показывая, что в помощи не нуждается. Амин так и думал: сайед не станет поднимать лишний шум, он быстро просчитает про себя выгоду. И терять рабочие руки из-за горсти персиков и слив не станет. Нет, Ясар возьмет свое иначе.

— Неделю работаешь бесплатно, — бросил торговец, брезгливо отпинывая сжавшегося юношу с дороги. — Или месяц. Я подумаю. И принеси, наконец, пахлаву. Да, и если я увижу хоть еще раз твоего... этого негодника, плахи ему не миновать.

Амин дождался, когда хозяин уйдет, и только тогда со вздохом поднялся. Оглянулся.

Но на складе уже никого не было. Мальчишки, конечно, и след простыл.

Весь оставшийся день Амину не раз приходило на ум сравнение с ослом — прибыл караван из далекой Кусеи, а с ним и торговец, привезший Ясару сладкие земляные орехи. Амин переносил мешки со двора на склад, каждый